

НАБОВСКАЯ ЕВРОПА

NAVOKOV'S EUROPE

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Ежегодное издание Том 2
2017

Евгений Лейзеров

**Набоковская Европа.
Литературный альманах.
Ежегодное издание. Том 2**

«Издательские решения»

Лейзеров Е.

Набоковская Европа. Литературный альманах. Ежегодное издание.
Том 2 / Е. Лейзеров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900770-4

В литературный альманах «Набоковская Европа» вошли материалы о жизни и творческом наследии Владимира Набокова, доклады участников «Набоковских чтений» разных лет, переводы и статьи литературоведов.

ISBN 978-5-44-900770-4

© Лейзеров Е.
© Издательские решения

Содержание

Редакционная страница	6
Материалы к биографии и творческому наследию Набокова	7
Русина Волкова ¹	7
Тень русской ветки: родственники семьи Набоковых в русско-японской войне	7
Назимовы ²	8
Корфы ⁸	10
Вонлярлярские	13
Евгений Лейзеров ³⁷	19
Набоковский экватор	19
Алексей Филимонов ³⁸	27
Набоков – европеист	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Набоковская Европа Литературный альманах. Ежегодное издание. Том 2

Авторы: Лейзеров Евгений, Волкова Русина, Филимонов Алексей, Шраер Максим Д.,
Реутова Юлия, Надежда ван Игтерсум, Мэри Росс, Чжон Бин, Евсеев Антон

Редактор Алексей Олегович Филимонов

Редактор Евгений Яковлевич Лейзеров

Дизайнер обложки Елена Владимировна Герасимова

© Евгений Лейзеров, 2018

© Русина Волкова, 2018

© Алексей Филимонов, 2018

© Максим Д. Шраер, 2018

© Юлия Реутова, 2018

© ван Игтерсум Надежда, 2018

© Росс Мэри, 2018

© Бин Чжон, 2018

© Антон Евсеев, 2018

© Елена Владимировна Герасимова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-0770-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Редакционная страница

Дорогие читатели!

Перед вами второй номер ежегодного литературного альманаха «Набоковская Европа», посвящённый исследованиям в набоковедении, содержащий разнообразные материалы к биографии и творческому наследию писателя, доклады участников набоковских чтений разных лет, статьи литературоведов и критические отзывы.

Материалов, рассказывающих о жизни и творчестве Владимира Набокова, неизмеримо много. Во всем мире эта информация вызывает жгучий, неподдельный интерес: авторов, пишущих на эти темы невозможно сосчитать, как и перечислить все мировые издания, где они опубликованы.

Содержанием этого второго номера, представляющего малую толику в научном набоковедении, мы ищем свой уникальный путь в непростом постижении жизни и творчества писателя. Будем рады вашим отзывам и предложениям, пишите по адресу: le63av@mail.ru

Душеполезного чтения!

Приглашаем читателей, писателей, исследователей к сотрудничеству и сотворчеству!

Евгений Лейзеров, Алексей Филимонов

Материалы к биографии и творческому наследию Набокова

Русина Волкова¹

Тень русской ветки: родственники семьи Набоковых в русско-японской войне

Русско-японская война была тем триггером, с которого ускорился конец царского самодержавия и начался распад российской империи. Это время пришлось на годы раннего детства В. Набокова, которое вспоминалось им в радужных тонах жизни мальчика из богатой буржуазной семьи с праздниками, радостями, европейскими поездками, ловлей бабочек и проч. Но была и параллельная реальность, от которой пытались оградить его взрослые, но спрятаться было невозможно. У мальчика, а затем и у юноши накапливалось много вопросов, однако ответы на них пришлось искать взрослому Набокову уже в эмиграции. Там Набоков, как и многие другие, начал поиск ответов на главные вопросы того времени: что произошло с Россией и кто в этом виноват? И тогда, как в кинематографе, отматывая ленту времени назад, за ширмой «розовых очков» детства, перед его глазами начали проявляться другие картинки. Память стала восстанавливать детали: мимолетные встречи, слова, происшествия, и даже семейные тайны. Все это давало Набокову богатый материал для переосмысления истории своей семьи на фоне политической жизни российского общества.

Как известно, многие члены семьи Набоковых и их друзей из ближнего круга были так или иначе связаны с русско-японской войной с самого начала до самого ее конца. И хотя непосредственно в военных действиях из родственников участвовал только адмирал Н. Н. Колomeйцев, породнившийся с Набоковыми уже после войны через женитьбу в 1909 году на Нине Дмитриевне Рауш фон Траубенберг, урожденной Набоковой (матерью любимого двоюродного брата и товарища по детским играм Владимира Набокова – Юрия), другие были связаны с этой войной тем или иным образом.

Так, например, одним из самых главных участников войны был человек из близкого окружения отца – военный министр А. Н. Куропаткин, – чье назначение Главнокомандующим Маньчжурской армией совпадает по времени с очередным посещением дома Набоковых. История помнит и непосредственное участие в подписании Портсмутского мира в 1905 г. Константина Дмитриевича Набокова, дяди писателя. Это наиболее близко соприкоснувшиеся с войной родственники и члены близкого круга семьи Набоковых. Однако были и другие.

Попытаемся сложить «узор памяти» из упоминаемых в его книгах-воспоминаниях действующих лиц, в той или иной степени имеющих непосредственное касание к русско-японской войне «в порядке их появления на сцене театра военных действий». Рассмотрим «ветки» его родового дерева.

¹ Кандидат философских наук, писатель и литературовед, член Московского Союза профессиональных литераторов

Назимовы²

Начнем с предыстории вопроса. Когда впервые у России возникли предпосылки будущего военного конфликта с Японией? Можно легко ответить на этот вопрос – с первых экспедиций на Дальний Восток русских землепроходцев и мореходов в 17 веке, но в особенности «мина замедленного действия» была заложена научной экспедицией первых русских геодезистов Ф. Лужина и И. Евреинова 1719—1722 гг., составивших карту и описание 14 Курильских островов. Одна из целей экспедиции – собрать ясак с местных жителей и присоединить к России некоторые новые острова. Ранее независимые айны должны были начать платить дань далекому белому царю, империя Петра опасно приблизилась к сфере интересов Японии.

После первых неудачных попыток русских начать отношения с японской стороной (экспедиция Н. Резанова, пленение экспедиции В. Головина) в Японию для налаживания серьезных дипломатических и торговых отношений отправилась экспедиция графа В. Е. Путятина. На головном фрегате «Паллада» в качестве летописца был прикомандирован писатель Гончаров, сделавший подробные дневниковые записи путешествия. Владимир Набоков, ознакомившийся в детстве с этим произведением, дважды дает ему оценку, как «скучному чтиву».

Так, в рассказе «Рождество» от имени мальчика-любителя бабочек, то есть как бы от своего «альтер-эго», Набоков приводит дневниковую запись – иронию над жанром Гончарова: «Сегодня идет дождь, играл в шашки с папой, потом читал скучнейшую «Фрегат Палладу». То же самое и в «Защите Лужина»: «Самые книжки были столь же скучны, как «Слепой музыкант» или «Фрегат Паллада».

Упоминания «Фрегата Паллады» совершенно неслучайны, ведь в этой книге юный Набоков наткнулся на имя своего дальнего родственника Н. Н. Назимова:

«октябрь 1-го

...Если попугать их [японцев – Р. В.] и потребовать губернатора – и тот приедет. Но тогда понадобилось бы изменить уже навсегда принятый адмиралом образ действий, то есть кротость и вежливость. Иногда, однако ж, не мешало бы пугнуть их порядком. Вот сегодня, например, часу в восьмом вечера, была какая-то процессия. Одну большую лодку тащили на буксире двадцать небольших с фонарями; шествие сопровождалось неистовыми криками; лодки шли с островов к городу; наши, К. Н. Посьет и Н. Н. Назимов бывший у нас), поехали на двух шлюпках к корвету, в проход; в шлюпку Посьета пустили поленом, а в Назимова хотели плеснуть водой, да не попали, грубая выходка простого народа!»³

Речь шла о капитане-лейтенанте Н. Н. Назимове-младшем (1822—1867), командире корвета «Оливуца», участнике экспедиции графа Путятина в Японию.

Как известно набоковедам, прабабушка Набокова была дворянка Псковской губернии Анна Александровна Назимова, вышедшая замуж за дворянина этой же губернии Н. А. Набокова в 1824 г. Связь с семейством Назимовых не прекращалась и у будущих поколений этих двух семейств. Так, в «Других берегах» Набоков упоминает свою дальнюю родственницу Надежду Ильиничну Назимову, кочевавшую «всякое лето из одного поместья в другое и слывшей художницей» (*Другие берега*, глава 5, часть 7).⁴ Не исключено, что именно эта тетушка познакомила Набокова с книгой Гончарова, проживая в Рождествено. Возможно, что с этой ассоциацией связаны сюжет и название рассказа «Рождество».

² О связи Назимовых и Набоковых см. Н. Ф. Левин. Назимовы и Набоковы.//Набоков в родственном окружении. Набоковский вестник, выпуск 2, 1998, с.20—30

³ И. Гончаров. Фрегат Паллада.

⁴ В справочнике «Весь Петербург 1917 г. Н. И. Назимова числится по адресу именье Рождествено). Кстати, в последующей биографии – «Память, говори» – этот персонаж выпадет из повествования.

В большинстве своем мужчины из рода Назимовых посвящали себя военной карьере, а одна ветвь – новоржевских Назимовых⁵ – стала родоначальницей морской династии. Вице-адмирал Н. Н. Назимов-старший, двоюродный брат прабабушки писателя, был участником Отечественной войны 1812 г. А его сыновья Николай, Павел и Константин, двоюродные племянники А.А.Набоковой-Назимовой, будут связаны с исследованиями Тихого океана.

Н. Н. Назимов-младший, будущий контр-адмирал, участвовал в дальневосточной экспедиции генерал-адъютанта графа Е. В. Путятина по установлению торговых и дипломатических отношений с Японией. Успех миссии Путятина превзошел ожидания. 7 февраля 1854 года в городе Симода был подписан первый договор о дружбе и торговли между Россией и Японией, известный как Симодский трактат. Для русских судов открывались порты Хакодате, Нагасаки и Симода, где разрешалась торговля; в один из портов назначался российский консул. Взамен Россия шла на серьезные уступки по границам и признавала за Японией часть Курильских островов, а Сахалин объявлялся неразделенной демилитаризованной зоной.

И хотя Путятин именно за успех своей дипломатической миссии получил титул графа, компромиссное решение вопроса, как это бывает всегда, оставило недовольных по обе стороны границы. С точки зрения японцев, они просто получили то, что итак считали своим. День Симодского трактата до сих пор отмечается как День Северных территорий, а все последующие в результате войн и военных столкновений договоры считают недействительными. К тому же открытие портов привело к наводнению Японии дешевыми импортными товарами, подрывавшими местное мануфактурное и ремесленное производство. А Россия получила от Японии те же самые условия свободной торговли, которые были даны и американцам, но только не бесплатно, а за счет территориальных уступок.

Дипломатия – искусство возможного. Там, где американцы действовали демонстрацией военной силы – разрывными бомбами с черных кораблей командора Перри, – русские заключили первый равноправный для Японии договор.

Боковая ветвь Назимовых вкупе с названием корвета «Оливуца» и волнообразными колебаниями океанической и амурских волн дает возможность предполагать, что «колеблющаяся тень русской ветки на мраморе руки писателя», возможно, связана с воспоминаниями о своих назимовских родственниках.

Все пять братьев Назимовых, сыновей Николая Николаевича-старшего, вслед за отцом кончили морской кадетский корпус, а трое из них стали адмиралами русского флота⁶ и оставили след в освоении Дальнего Востока.

Павел Николаевич Назимов (1829—1902), тоже, как и старший брат, плавал на фрегате «Паллада», а после Симодского трактата по конкурсу занял пост морского атташе в составе первого российского консульства в Японии в Хакодате. Однако дипломатическая служба его не устроила, и он вернулся во флот. С 1889 по 1892 гг. вице-адмирал П.Н.Назимов командовал эскадрой на Тихом океане. В 1891 г. он встретил Цесаревича Николая Александровича, совершавшего кругосветное путешествие, на крейсере «Адмирал Нахимов» в Сингапуре и отправился с ним дальше в Японию.

⁵ В этом уезде в сельце Никитинском Дворицкой волости, полученном в приданое за жену А. А. Назимову, после 1832 г. переедет жить вместе с семьей прадед писателя – Н. А. Набоков. В юности он, как и Назимовы, был выпускником Морского кадетского корпуса и даже дослужился до лейтенанта флота, однако впоследствии перешел на сухопутную военную службу. Его сын – дед писателя, Д. Н. Набоков – тоже не всегда был Министром юстиции. В 1853 г. он был назначен вице-директором, а в 1861 г. и директором Комиссариатского департамента Морского министерства. – См. Н. Ф. Левин.

⁶ Т. И. Яковлева. К истории рода П. Н. Назимова – адмирала флота и псковского дворянина. – Псков, №33, 2010

Там с Николаем Романовым случился известный инцидент в Отцу, когда на него напал с самурайским мечом «японский городской», нанеся ему сильную травму головы. Инцидент явился проявлением националистической реакции японцев на активные действия России на Дальнем Востоке, а приезд Цесаревича мог быть воспринят ими как предварительное знакомство будущего «белого царя» со своими потенциальными колониями. Впоследствии, уже став царем, Николай Романов презрительно называл японцев «макаками», а злые языки даже говорили, что злопамятный царь начал русско-японскую войну из чувства личной ненависти к японцам из-за пережитого унижения.

Павел Назимов сопровождал Цесаревича из Японии во Владивосток, где был одним из участников закладки памятного камня начала строительства Великой Сибирской железной дороги, еще больше подтвердившей опасения японцев об экспансии России на Дальний Восток.

В честь мореплавателя и первооткрывателя Павла Назимова на Дальнем Востоке названа бухта на острове Путятин, с 1896 г. маяк на острове Назимова в заливе Посыета, а с 1972 и коса в бухте Рейд Паллады⁷.

Младший брат Николая и Павла, Константин Николаевич Назимов, русский мореплаватель, гидрограф, вице-адмирал, так же, как и братья, занимался исследованием Тихого океана. В 1861—1868 гг. участвовал в гидрографических работах в Японском море. В его честь названы мыс и полуостров в заливе Петра Великого. В 1898 г. в чине вице-адмирала Константин Николаевич уволился со службы. А в апреле 1905 года его убьет ординарец В. Ф. Смирнов выстрелами из револьвера. Революционный матрос был из морского экипажа героического командира крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева, покрывавшего анархистов и социалистов своего экипажа. Причем, убит гидрограф Японского моря и проливов был меньше, чем за месяц до Цусимской трагедии. Материалов судебного дела над матросом Смирновым не осталось. Известно, что он не был приговорен к смертной казни и благополучно обратился за получением персональной пенсии в 1926 г. на основании справки об убийстве царского адмирала. Похоже, что этот матрос был не только убийцей, но пытался выполнить шпионское задание, ведь лоции морей и проливов вокруг Японии составлялись именно К. Н. Назимовым.

Корфы⁸

Большое семейство баронов Корфов, как и род Назимовых, имело разные ветви, раскиданные по России. Прадед Фердинанд был из Кенигсберга, принадлежал к одному из родов курляндских Корфов. Одним из наиболее известных представителей другой ветви «курляндцев» был барон Андрей Николаевич Корф, Приамурский генерал-губернатор.⁹

Долго перечислять, сколько всего хорошего сделал Андрей Николаевич на своем месте. Но главное: последовательно и неуклонно отстаивал российские интересы на Дальнем Востоке. В частности, занялся укреплением границ и приведением в порядок рыбной ловли около российских берегов Дальнего Востока. Ему удалось пробить государственные решения

⁷ В его же честь на Новой Земле в Баренцевом море бухта на юге южного острова в районе Белушней губы, остров у западного побережья северного острова.— Т. И. Яковлева. К истории рода П. Н. Назимова. Согласно автобиографии Набокова, в честь его прадеда там же была названа некая небольшая речка, однако подтверждений этому пока никому не удалось найти. Я думаю, что Владимир Набоков, изучавший карту Новой Земли в поисках реки в честь своего прадеда, не мог не обратить внимание на топонимы, связанные с именем Павла Назимова.

⁸ См. подробнее: Э. М. Рауш-Гернет. Родственные связи семьи Набоковых: Рауш фон Траубенберги и Корфы. С.82—88// Набоков в родственном окружении. С. 82—97 Евгений Голубев. Корфы. — <https://proza.ru/2010/12/09/120>

⁹ В 1891 г. был основан семейный союз, объединивший все ветви курляндских Корфов, считавших себя одной семьей. — Э.М.Рауш-Гернет. Родственные связи семьи Набоковых, с. 87

по борьбе с иностранным браконьерством и контрабандным вывозом биоресурсов Дальневосточного края¹⁰. В 1880 г. Корф отдал распоряжение о полном запрете добычи котиков на острове Медном, которое 1893 г. было подтверждено решением Государственного совета. В 1885 г. А. Н. Корф узаконил правила, по которым российские рыбопромышленники облагались меньшими льготами по сравнению с японскими. Также были ограничены китайские и японские лесозаготовки и прочее. Прибрежные воды Сахалина, пролив Петра Великого, Амур – все это стало находиться под контролем Российского государства.

В 1887 году А. Н. Корф писал министру путей сообщения и военному министру: «В случае борьбы с Китаем и его вероятными союзниками, в Приамурском крае потребуются сосредоточить большое число войск, а потому проложение рельсового пути в Сибири стало теперь еще более неотложным».¹¹ Неслучайно, что при закладке цесаревичем первого камня Сибирской железной дороги 19 мая 1891 рядом с ним стоял не только командир эскадры П. Н. Назимов, но и А. Н. Корф. После торжественной церемонии цесаревич посетил дом генерал-губернатора, любимца своего отца – царя Александра III.

Для России укрепление своего положения на Дальнем Востоке означало поиск незамерзающих портов. По мнению историка А. Попова «идеи территориальных приобретений в Корее и Маньчжурии, идея участия в разделе Китая и даже план превентивного нападения на Японию носились в воздухе».¹²

В 1888 барон Корф настоял на Особом совещании по проблемам Дальнего Востока. На повестке дня – отношение к Корее, вокруг которой столкнулись интересы Китая, Японии, Соединенных Штатов и России, ввиду занимаемого ею географического положения. По мнению барона Корфа и начальника азиатского отдела МИДа Зиновьева, «приобретение Кореи не только не обещало бы нам никаких выгод, но и не преминуло повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия».¹³

В воздухе пахло неминуемой войной на Дальнем Востоке.

А. Н. Корф разработал план мероприятий по укреплению безопасности дальневосточных границ, который был проигнорирован в Санкт-Петербурге.¹⁴ Неудивительно, что на 62-м году жизни здоровяк Корф как-то загадочно и неожиданно скончался в 1893 г., не завершив свою мечту по укреплению восточных границ России.

В память о нем названы залив Берингова моря, поселки в Камчатском и Хабаровском крае, село в Амурской области и в Приморском крае.

Николай Андреевич Корф, сын. Как и отец, окончил Пажеский корпус. В Русско-японскую войну находился в распоряжении Наместника на Дальнем Востоке. Участвовал во многих боях. Военный разведчик, журналист и писатель. В 1898—1899 гг. был участником специальной экспедиции в Корею, организованной приближенными к царю так называемыми «безобразовцами» (во главе с великим князем Александром Михайловичем и статс-секретарем Безобразовым) для разведки возможностей «мягкого захвата» Кореи посредством учре-

¹⁰ Ляпустин С. Н. Амурский генерал-губернатор А. Н. Корф о борьбе с контрабандой и иностранным хищничеством.

¹¹ Русско-японская война 1904—1905: Взгляд через столетие. Под ред. О. Р. Айрапетова. 2004, с. 675

¹² А. Попов. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.). //Красный Архив, 1932, т. 52, с.50

¹³ Журнал Особого совещания 8 мая (26 апреля) 1888 г.//Красный Архив, 1932, т. 52, с. 55

¹⁴ Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов.20016 с. 106

ждения Восточно-Азиатской промышленной компании, используя в первую очередь приобретенную у Бриннера лесную концессию. По результатам экспедиции вместе с поручиком Кавалергардского полка А. И. Звегинцовым выпустил несколько книг, посвященных военным аспектам возможной войны за Корею: *Северная Корея. Сборник описания позиций* / сост. Корфом и Звегинцовом. 1901; Алфавитный указатель к карте Северной Кореи / А.И.Звегинцов и бар. Н. А. Корф. 1904; *Военный обзор Северной Кореи*. 1904. – В 1906 г. был назначен заведующим печатной и картографической частью Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. После революции жил в Болгарии, как и некоторые из Набоковых. Умер в 1924 году на Шипке.

Дмитрий Николаевич Корф. Из дворян Тверской губернии. Ушел добровольцем на русско-японскую войну, участвовал в сражениях при Ляояне, Шахе и Мукдене. В 1912 г. был избран членом Государственной Думы IV созыва от Тверской губернии, фракция русских националистов. После революции эмигрировал в Югославию. Умер в 1924 г. в г. Птуй.

Многие из «курлядских» Корфов были большими русскими националистами, отстаивавшими государственные интересы России.¹⁵ О связи их с непосредственной семьей писателя малоизвестно.

А вот с С. А. Корфом, племянником Марии Фердинандовны Корф (бабушки писателя), профессором русского государственного права, последним и.о. генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, либералом и англофилом, Владимир Дмитриевич Набоков должен был быть знаком лично, хотя бы как с автором журнала «Право».

Они были не просто близкими родственниками по крови – двоюродными братьями, но были близки и по своим политическим убеждениям. Вслед за Владимиром Дмитриевичем, в 1907 г. и Сергея Александровича исключают из придворных списков и лишат звания камер-юнкера за политическую оппозицию правительству. Был женат на дочери американского адмирала.

В 1899—1906 гг. Сергей Александрович служил в Министерстве финансов. В 1902 г. по заданию Министерства финансов был командирован в Маньчжурию, Китай, Японию и Соединенные Штаты для ознакомления с работой Русско-китайского банка, созданного как инструмента финансового обеспечения внешней политики России на Дальнем Востоке. По результатам своей поездки С. А. Корф опубликовал две работы, посвященные судебной деятельности в особо-важном для России того времени регионе: *Железнодорожный смешанный суд в Маньчжурии*. Спб., 1903 и статью в «Журнале Министерства юстиции» «*Смешанный суд в Шанхае*» (1903, №106 с. 93—116).¹⁶ Очевидно, что Россия серьезно готовилась к своим экспансиям на Дальнем Востоке, используя оценки и мнения специалистов разного профиля.

После революции С. А. Корф переедет в США, где станет профессором Джортаунского университета. И в роковом для семейства Корфов году – 1924 – неожиданно скончался в Вашингтоне.

¹⁵ Т. С. Иларионова. Немцы на государственной службе России. К истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. 2016

¹⁶ Павлов А. В. Научно-педагогическая и политическая деятельность С.А.Корфа (1876—1924). Автореферат диссертации, 2006.

Вонлярлярские

Самым младшим ребенком в семье Дмитрия Николаевича Набокова и Марии Фердинандовны Набоковой-Корф была Надежда, любимица всей семьи. «Если она [бабушка – Р.В.] и любила кого-нибудь, то это только свою младшую дочь, Надежду Вонлярлярскую».¹⁷ Домашние ее звали либо «Бэби», либо «Бебешка». «Наша черносотенка», – ласково называл ее брат Константин Дмитриевич.¹⁸ По иронии судьбы, крестной матерью Надежды была Надежда Аркадьевна Безобразова. Эта фамилия, благодаря одному из дальних родственников или просто однофамильцев ее мужа, станет во времена русско-японской войны нарицательной. «Безобразовская клика» – так будет называться группировка ближнего окружения царя, с подачи которой, по мнению либеральной прессы того времени, и случился «казус белли» войны с Японией.

Одним из ярких представителей этой группировки был свекр Надежды Дмитриевны – Владимир Михайлович Вонлярлярский. Благодаря удачной женитьбе на богатой купчихе приумножил свои богатства, но, обладая значительными средствами, вкладывал их в сомнительные предприятия. Историк Б. Романов, специалист по русско-японской войне, дал Вонлярлярскому следующую характеристику: «бывший гвардейский полковник, давно уже сменивший мундир на штатское платье, новгородский помещик-лесопромышленник, председатель тамошнего сельскохозяйственного общества, владевший однако же и золотыми приисками на Урале и возглавлявший две бумагопрядильни в Петербурге, заделавшийся и членом Общества для содействия русской промышленности и торговли, – типичный образец сочетания русского феодального духа с замашками натурального капиталистического предпринимателя, делец и грюндер, жадно устремлявшийся на всякое сверхприбыльное коммерческое дело, хотя бы оно находилось где-нибудь на Чукотском полуострове, лишь бы потом выгодно его перепродать».¹⁹

Одним из проектов, который так и не был реализован, явились лесные концессии купца Бриннера на реке Ялу в Корее.

Корея была той географической точкой в Азии, где столкнулись интересы России, Китая, Японии, Англии и США, при этом сама по себе в то время не представляла собой большой ценности. Отсталая экономически страна, раздираемая политическими группировками разной направленности, и проч., до японо-китайской войны бывшая давним вассалом Китая, который хотел бы сохранить тем свое влияние. Однако ослабленность Китая во время войны вывела его «за рамки» раздела Кореи между остальными заинтересованными сторонами.

У России в Корее было два интереса: охрана общей границы и возможность получения незамерзающих портов. Для Японии Корея представляла гораздо больший интерес, прежде всего из-за близости территории, на которой могло бы разместиться растущее быстрыми темпами население. Плюс корейские природные богатства, которыми Япония была обделена. До какого-то времени обе стороны будущего конфликта – и Россия, и Япония – могли договариваться о совместном освоении Кореи при условии сохранения ее независимости, прежде всего от Китая. Однако после того, как Россия получила от Китая право на долгосрочное поль-

¹⁷ Другие берега

¹⁸ Constantin Nabokov. *Letters of a Russian Diplomat to an American Friend, 1906—1922*. Ed. By John F. Melby and W.W. Straka, p.18.

¹⁹ Б. А. Романов. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны: 1895—1907*. 1955 г., с. 110—111

зование Порт-Артуром, из которого были практически насильно выведены японцы, получившие его в результате японо-китайской войны, ситуация изменилась.

Во-первых, это был удар по национальному японскому самолюбию. Во-вторых, могущественная Россия начала строительство военно-морской базы в непосредственной близости от Японии, что представляло угрозу японской независимости в большей степени, чем освоение Сибири и Дальнего Востока.

Для самого дальнейшего существования Порты-Артура наличие портов в Корее стало острой необходимостью, что понимали и в Японии, и в российских военно-морских кругах. Иначе эта база становилась бессмысленной и уязвимой.

Николай II, которого считают главным виновником русско-японской войны и поражения в ней России за нерешительность и непоследовательность дальневосточной политики, на самом деле считал, что если есть хоть малейшая возможность избежать войны, то лучше этим воспользоваться. Известно его высказывание накануне русско-японской войны: «Войны не будет, так как я ее не хочу».²⁰

Порт-Артур был завоеван японцами во время японо-корейской войны 1894—1895 при помощи кровавой резни. Потом им пришлось оттуда уйти под давлением России, Германии и Франции, получив от Китая огромную денежную компенсацию. В декабре 1903 г. Николай II говорил о Порт-Артуре: «Тогда Россия твердо сказала Японии: „назад“, и она послушалась».²¹ После чего царское правительство через дипломатов и при помощи взяток китайским чиновникам, получило Порт-Артур без единого выстрела.

Поэтому, когда к царю пришли представители «Безобразовского кружка» (группы соратников во главе с отставным офицером А. М. Безобразовым, товарищем В. М. Вонлярлярского по Кавалергардскому полку) с идеей об использовании частного предприятия по лесозаготовкам и других подобных концессий в Корее как способа вхождения в Корею путем «мягкой силы» без войны и аннексии, Николай II более чем заинтересовался нестандартной идеей. В Корею были посланы две разведывательные экспедиции, в одну из которых, как было упомянуто выше, входил Н. А. Корф. Эта идея развивалась под большим секретом прежде всего от собственных министров, и прежде всего – С. Ю. Витте, у которого были свои взгляды на освоение пространств Дальнего Востока, Маньчжурии и Китая.

В 1925 г. В. М. Вонлярлярский эмигрировал в Берлин, в 1927 г. умерла его жена Н. С. Вонлярлярская (Голенищева), которая похоронена на кладбище Тегель, там же, где и Владимир Дмитриевич Набоков. В 1939 г. Владимир Михайлович издал в Берлине свою книгу воспоминаний с посвящением покойной жене. Большая часть – попытка оправдаться за русско-японскую войну.²²

Авантюрный характер своего отца унаследовал и муж Надежды Вонлярлярской-Набоковой – Дмитрий Николаевич Вонлярлярский (отдельная история, почему сын Владимира Михайловича был Дмитрием Николаевичем). На Императорском балу 1903 г. фрейлина Надежда Вонлярлярская (бывшая Набокова) со своим молодым мужем по свидетельствам

²⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т.1, гл. XIX, с. 250

²¹ Дневник А. Н. Куропаткина// Красный Архив, 1922, т.2, с.95

²² В. М. Вонлярлярский. Мои воспоминания 1852—1939. Берлин. Русское национальное издательство, 1939

очевидцев были самой красивой парой. Буквально через несколько месяцев после знаменитого бала, прославляющего русский дух и призванного укрепить патриотические чувства среди монархической верхушки общества, младший Вонлярлярский был послан в Порт-Артур и Японию в составе специальной царской миссии для проверки ситуации на Дальнем Востоке.

Николай II, продолжая собирать сведения о Дальнем Востоке, посылал туда одного за другим из своих приближенных, чтобы составить себе картину происходящего. «Безобразовцы» жаловались на дальневосточную политику Витте и абсолютную неподготовленность Куропаткина как военного министра к возможному конфликту. Куропаткин предлагал избавиться от Порт-Артура и Маньчжурии до того времени, когда Россия сможет укрепить свои дальневосточные границы и иметь там достаточные военные ресурсы. Витте продолжал свою политику снижения военных расходов и продвижения железной дороги, а с ней и российских капиталов внутрь Китая.

Как всегда, разброд и шатание политических группировок внутри страны приводил к хаосу во внешней политике России и чехарде во внутренних назначениях. Царь уволил Витте и чуть было не сорвал поездку Куропаткина в Японию. Именно в это время он посылает С. А. Корфа в Маньчжурию и Китай для проверки деятельности любимого детища Витте – Русско-китайского банка, по мнению «безобразовцев» работающего как в личных интересах Витте, так и Ротшильда. А в Порт-Артур в июне 1903 года посылает Безобразова для совещания с наместником Алексеевым и другими ответственными лицами. В рамках этой же миссии, но отдельно от Безобразова, едет в Порт-Артур и Японию младший Вонлярлярский, получивший благословление царя взять с собой молодую жену Надежду.

В мемуарах Надежды Вонлярлярской, которые она опубликовала в Лондоне в 1937 году, этой поездке, как и вообще 1903—1905 гг., посвящено немало страниц.²³ Хотя она и не присутствовала на закрытых совещаниях, но некоторые вещи были очевидны даже для нее. Посол России в Японии барон Р. Розен летом 1903 г. предупреждал ее о возможной резне, которые устроят японцы, и советовал прятаться во французском посольстве. Военный атташе Самойлов в августе 1903 г. слал телеграммы в Петербург, что в Японии объявлена всеобщая мобилизация. Надежда с ужасом вспоминает, что из-за недостатка государственного финансирования подробная телеграмма-отчет о военных приготовлениях Японии была послана за счет личных средств ее мужа.²⁴

Дальнейшие события в семье Вонлярлярских выходят за рамки темы. В 30-х гг. Д. Н. Вонлярлярский со второй женой жили в Париже, где в 1934 г. он опубликовал свое единственное художественное произведение «Грех у двери (Петербург)» с предисловием другого участника «безобразовского» кружка – великого князя Александра Михайловича.

Другие из ветки рода Вонлярлярских, как и в случае с родом Назимовых и Корфов, были потомственными моряками: мичман Владимир Владимирович Вонлярлярский (выпуск Морского корпуса 1901 г.), с января 1905 г. старший артиллерийский офицер воздухоплавательного крейсера «Русь», который должен был присоединиться к эскадре адмирала Рожественского как разведывательное судно, но по причинам поломок или диверсии это не произошло. Морское ведомство предписало единственному и уникальному судну оставаться в Либаве. Как пишут военно-морские историки: «Чья-то опытная рука в Высшем военном руководстве Рос-

²³ Nadine Wonlar-Larsky. *The Russia that I Loved*. 1937. Reprinted 1952, Canada.

²⁴ *Ibid.*, p. 113

сии толкала страну к поражению в войне с Японией, чтобы изменить политический строй в России».²⁵ В 1925 г. В.В.Вонлярлярский был арестован ГПУ и отправлен в административную ссылку на Соловецкие острова.²⁶

Лейтенант Иван Васильевич Вонлярлярский, выпуск Морского корпуса 1893 г. – в 1901—1903 служил на судах эскадры Тихого океана, 1904 – в 36 флотском экипаже, штурманский офицер 1-го разряда, водолаз на крейсере «Громобой», участник русско-японской войны.

К. В. Вонлярлярский-второй, капитан 2-го ранга, выпуск Морского корпуса 1903 г. После сдачи Порт-Артура оказался в японском плену. После революции служил командиром на Красном флоте. В 1926 г. был арестован сотрудниками ОГПУ.

Вернемся к событиям, предшествующим войне. Насколько реально были виноваты «бездаровцы» в начале войны с Японией? Правы ли были Куропаткин, Витте, либеральная пресса, да и многие историки русско-японской войны, обвиняя во всем «безобразовскую клику»?

После завершения войны обе группировки – «безобразовская» и «виттовская» обвиняли друг друга в развязывании войны с Японией. До сих пор среди исследователей превалирует мнение, что именно идея Безобразова и Вонлярлярского по вхождению в Корею и привела к началу войны. Хотя далеко не все согласны с этим мнением. Надежда Вонлярлярская-Набокова, не питая теплых чувств к своему бывшему свекру, встала на защиту концессионеров на реке Ялу, написав в своих воспоминаниях, что военные и бизнес интересы были там переплетены, и одни являлись маскировкой других.²⁷ Другой свидетель того времени, близкий знакомый В. Набокова гарвардский профессор Н. Тимашев в 50-е годы объяснял логику сторонников «корейской авантюры»: «Если бы Корея попала под власть Японии, новые русские владения на Желтом море были бы поставлены под фланговый удар противника, способного собрать сильную армию и уже не у себя дома, на островах, а под боком, на материке».²⁸

И совсем необычна точка зрения другого родственника Набокова – военного историка П.Н.Симанского, привлеченного лично царем для подготовки серьезного исследования о причинах, приведших к войне, и о причинах поражения России. Так вот, по мнению Симанского, основной идеей «безобразовцев» было правильное представление о том, что без укрепления позиций в Корее и Маньчжурии, и Порт-Артур останутся без прикрытия и тылов. Тем не менее, именно их обвинили в создании «казуса белли», которого можно было бы избежать при более правильном планировании Дальневосточной политики.²⁹

Иван Карлович де Петерсон, муж Натальи Дмитриевны Набоковой, во время русско-японской войны – консул в Фиуме. В 1904 Набоковы вместе

с Петерсонами снимали дачу в Абации на берегу Адриатики.³⁰ Фиум того времени – это не просто единственный морской порт Австро-Венгерской империи, через который идут грузы из Европы в Америку, из Азии в Европу, вывозится сталелитейная, угольная и сельскохозяйственная продукция самой империи во все страны мира, и прочее, что обычно происходит

²⁵ А. Клепов. Почему крейсер Русь не дошел до Цусимы? – Proza.ru, 2010

²⁶ Ю. О. Дружинин, А. Ю. Емелин. Воздухоплавательный крейсер «Русь». 1997, с. 53

²⁷ N. Wjnlar-Larsky. The Russia that I Loved, p. 104

²⁸ Н. С. Тимашев. Предисловие. // Порт-Артур: Воспоминания участников. Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1955б с. 9

²⁹ События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891—1903 г.г.) Спб., 1910

³⁰ Brian Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. 1990, p. 51

в морских портах. Но самое главное – в Фиуме находился минный завод Уайтхеда, снабжавший торпедами все ведущие армии мира, включая Россию и Японию. Неслучайно, что именно Вену японская разведка выберет как центр своей деятельности в Европе, куда стекались донесения своих разведчиков из других европейских стран. Приведу только один документ российской контрразведки:

Донесение военного агента в Вене начальнику военно-статистического
отдела Главного штаба В. П. Целебровскому

15 апреля 1904 г.

Секретно

<...> доношу вашему превосходительству, что наши консула в портах
Адриатического моря следят за всеми мероприятиями японцев по покупке
и транспортированию военных грузов, причем результаты их наблюдений
сообщаются в наше министерство иностранных дел. <...>³¹

В книге А. Вотинова «Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг.», изданной в 1939 г. говорится: «Японские агенты, орудовавшие в Австрии, подкупили австрийских заводчиков, выполнявших заказ на 500 000 шрапнельных снарядов для царской армии. Заказ австрийские заводы выполнили так, что эти снаряды не разрывались».³²

Можно даже не объяснять, какова была основная сфера деятельности Петерсона летом 1904 г., когда он принимал в гостях в Аббации семью Набоковых.

«Накануне в кафе у фиумской пристани, когда уже нам подавали
заказанное, мой отец заметил за ближним столиком двух японских офицеров –
и мы тотчас ушли; однако я успел схватить целую бомбочку лимонного
мороженого, которую так и унес в набухающем небной болью рту».³³

Как показывают исследователи русско-японской войны, одной из дурных привычек русского общества было полное пренебрежение секретностью в условиях военного времени. О сроках и количественном составе мобилизации японцы узнавали из открытой прессы. Офицеры в Порт-Артуре делились секретами со своими китайскими парикмахерами, оказавшимися на самом деле офицерами японской армии; в письмах генералов своим женам из районов боевых действий можно было узнать много таких сведений, что ни один разведчик не смог бы достать. Уже упомянутые военные отчеты барона Корфа о Корее с военными позициями на суше и на море выходили в открытой печати за несколько лет до начала войны. И так далее.

Вполне возможно, что о секретном поручении следить за японскими военными грузами Иван де Петерсон по-родственному поделился со своим шурином, Владимиром Дмитриевичем Набоковым. И вполне возможно, что они могли обсуждать это при пятилетнем мальчике Владими́ре, надеясь на то, что он все равно ничего не понимает. И вот эта «бомбочка» в онемевшем рту на фоне японских офицеров начинает приобретать некий смысл. Австро-Венгрия подписала с Россией декларацию о нейтралитете только в октябре 1904 г., поэтому летом японские офицеры могут пока еще спокойно расхаживать в военной форме. Эту важную историческую деталь Набоков явно знал если не в детстве, то во время написания воспоминаний.

³¹ ЦВИА, ф. ВУА, д. 10060, л. 28

³² Вотинов А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. 1939

³³ В. Набоков. Другие берега. Глава 1, часть 3.

Фальц-Фейны³⁴, братья Лидии Эдуардовны Набоковой (Фальц-Фейн), родные дяди композитора Николая Дмитриевича Набокова.

«В марте 1904 г. на чрезвычайном заседании губернского земства гласные приняли решение о создании Таврического лазарета Красного Креста имени императрицы Александры Федоровны. <...> Обязанности его (т.е. уполномоченного Таврического лазарета – Р.Ю.) помощника безвозмездно взял на себя Владимир Эдуардович Фальц-Фейн³⁵, который сделал многое для улучшения помощи больным и раненым во время нахождения лазарета на Дальнем Востоке. Владимир Эдуардович не только работал управляющим лечебным заведением, но и жертвовал значительные суммы и продукты на его существование. Согласно отчету за 1904 г. им было перечислено 460 руб. и 200 пудов пшеницы. Другие его родственники также не остались в стороне. Например, Фридрих Эдуардович пожертвовал 2323 руб., Александр Иванович Фальц-Фейн – 100 руб.»³⁶

Итак, неудивительно, что при таком вовлечении практически всех ветвей своей большой семьи в события на Дальнем Востоке, Владимир Набоков *volens-nolens* с раннего детства знал о русско-японской войне «из первых уст». А если учесть, что именно с поражения в русско-японской войне катастрофа российской государственности приближалась семимильными шагами, то становится понятным пристальный интерес писателя к этому историческому событию. Приглядитесь внимательнее к произведениям Набокова, и на страницах его прозы то тут, то там обнаружите следы той далекой войны.

³⁴ В. Н. Рыхляков. Родня Набоковых – Фальц-Фейны./ Набоков в родственном окружении, с.105—119

³⁵ Гласный уездного и губернского земского собрания Таврической губернии, почетный мировой судья, депутат III Государственной Думы от Таврической губернии, партия октябристов.

³⁶ Задерейчук И. П. Благотворительная деятельность немцев Крыма в период военных действий Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв./ Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 27 (66), №4, 2014, с. 21

Евгений Лейзеров³⁷

Набоковский экватор

В любой сфере человеческой деятельности, в частности в культуре, есть не просто уникамы, достигшие несравненных высот в своем деле, но и признанные всем миром подлинные гиганты, гении. Если говорить конкретно о литературе, можно назвать с десятков имен, произносимых нами с благоговением и уважением. Взяв только европейскую литературу, можно вспомнить таких всемирных Мастеров, как Данте, Петрарка, Сервантес, Шекспир, Вольтер, Флобер, Бальзак, Диккенс, Гейне, Гёте, Шиллер, Толстой, Чехов, Кафка, Бунин, Пастернак. Именно к этой плеяде выдающихся мировых светил в области просвещения относится Владимир Набоков, американский писатель 20-го века русского происхождения.

При чтении любого произведения Набокова поражает прежде всего стиль. Автор пишет так, будто читателя нет вовсе, вернее, есть – такой всезнающий, всё понимающий, всё могущий пояснить и объяснить. Он заранее знает, что автор может быть непоследовательным в изложении событий, может забежать вперед и неожиданно вернуться к прерванной ситуации. Да, что к ситуации – к высказанной мысли, к пустяковому штриху, к возможной перелицовке всей композиции. От этого читателю поверхностному (коих большинство) – сразу не по себе. «Как же так?» – восклицает сей читатель – «текст должен быть абсолютно понятен каждому читающему, а тут сплошные загадки, которые ещё не всякий разгадает. И для чего это делается? Может быть, чтобы была видна недостижимая мне планка при прочтении трудов этого автора?» И, наверно, такой читатель где-то прав, у него своя непоколебимая, железная правда.

Но с другой стороны и писатель имеет право писать так, как до него ещё не писали, создавать свою систему координат в процессе письма и, как правило, непрестанно следовать ей во всех написанных им произведениях. Что собственно Набоков и делал, непроизвольно поставив себе в начале творческого пути такую казалось бы неразрешимую задачу. И по сути оказался прав, ибо творчество настоящего Мастера в литературе не бесследно и вероятно Набоков не без оснований рассчитывал не только на знающего понимающего современника, но и на близко-далёкого потомка, что по достоинству оценит его стиль, его язык, его философскую систему координат.

Подтверждением этому служат конференции по набоковедению в разных странах, на разных языках; журнал «Набоковиана», издающийся в Америке, а также многочисленные труды исследователей.

Помимо литературы были два жизненных пристрастия, коим он мог отдавать, если нужно было, всё свободное время, причем в обоих хобби Набоков слыл отменным профессионалом. Это изучение жизни бабочек и составление шахматных этюдов. В семилетнем возрасте Набоков открыл для себя бабочек и во взрослой жизни они стали отличительным знаком Набокова-писателя. После успеха «Лолиты» совместными усилиями Набокова и фоторепортеров он стал – в таких журналах, как «Time», «Life» – самым знаменитым лепидоптерологом мира. Эволюцию Набокова-художника можно представить как поиск все более и более действенных способов передачи в прозе тех восторгов, которые он находил в энтомологии: восхищение единичным, потрясение сделанным открытием, интуитивное ощущение тайны и лукаво-обманчи-

³⁷ Лейзеров Евгений Яковлевич, 1947 года рождения, поэт, писатель, литературовед, литературный псевдоним Евгений Вербицкий, автор десяти сборников стихов и эссе. Родился в Ленинграде, закончил технический и гуманитарный ВУЗы, с 2002 года живет в немецком городе Констанц. Победитель в конкурсе эссеистов «Эмигрантская лира – 2015». Сценарист и продюсер документального фильма «Ключи Набокова» (показ по ТВ России 1998), режиссер-постановщик видеоэссе «Набоковский Санкт-Петербург» (2017).

вого узора. Бабочки помогли Набокову понять, что мир нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся, что он намного реальнее и намного таинственнее, чем кажется; собственные набоковские миры созданы по тем же принципам.

Теперь коснёмся того периода времени, когда Набоков проходил свой экватор, но поначалу факты его биографии. Владимир Владимирович Набоков родился в Санкт-Петербурге 10 (22) апреля 1899 года – в один день с Шекспиром и через 100 лет после рождения Пушкина. Родился он в родительском особняке в центре Санкт-Петербурга на Большой Морской 47, кроме него, первенца в семье вместе с ним росли два брата и две сестры. Поскольку семья была англоманской и первые сказанные мальчиком слова в детстве были английские, соответственно в спортивных увлечениях преобладали футбол (Володя был первоклассным вратарем) и бокс.

Благодаря большой домашней библиотеке к четырнадцати – пятнадцати годам Володя прочитал или перечитал всего Толстого по-русски, всего Шекспира по-английски и всего Флобера по-французски», не говоря уже о Пушкине, которого он боготворил. И это еще не всё. Как он сам пишет: «В Петербурге в возрасте от десяти до пятнадцати лет я, должно быть, прочел больше прозы и поэзии – английской, русской и французской, чем за любые другие пять лет своей жизни. Особенно я любил Уэллса, По, Браунинга, Китса, Флобера, Верлена, Рембо, Чехова, Толстого и Александра Блока.»

Брат по матери, Василий Иванович Рукавишников, дипломат, умер осенью 1916 года в Париже, завещав своему любимому племяннику Володе усадьбу в Рождествено, которая стоила не менее миллиона рублей. Таким образом, Владимир в 17-летнем возрасте стал обладателем колоссального богатства, но не смог им воспользоваться по причине большевистского переворота 1917-го года, когда вся семья эмигрировала на Запад. В 1919 году через Турцию, Грецию, Францию они добрались до Англии. В том же 1919 году Владимир стал студентом Кембриджского университета, вначале специализируясь по энтомологии, затем сменив ее на русскую и французскую словесность. В 1922-м году он с отличием закончил Кембриджский университет, и переехал в Берлин, где его отец основал эмигрантскую газету «Руль». В этой газете Владимир не только печатал свои стихи и рассказы, но даже шахматные этюды. Чтобы его не путали с отцом, часто печатавшимся в «Руле» и других эмигрантских изданиях, он взял себе псевдоним «Сирин», под которым и публиковал свои произведения на протяжении первоначальной европейской эмиграции, т.е. с 1921 года по 1940-й.

Приехав в марте 1922 года на пасхальные каникулы, Владимир пережил самый трагический день в жизни – 28 марта убили его отца. Это произошло вечером в берлинской филармонии, где выступал с лекцией Милюков, лидер кадетской партии, был полный зал – около 1500 человек. Двое террористов-монархистов предприняли попытку убийства Милюкова. Владимир Дмитриевич, защищая его, сбил одного из них с ног, пытаясь выхватить револьвер; второй негодяй, видя происходящее, выстрелил ему три раза в спину: смерть наступила мгновенно.

К 1924-му году в Берлине проживало несколько сотен тысяч эмигрантов, насчитывалось 86 русских издательств, которые за предыдущие 3 года выпустили столько печатной продукции, сколько иная страна не выпустила бы за десятилетие. Первые четыре книги Набокова-Сирина вышли одна за другой в течение 4 месяцев: в ноябре 1922 года – «Николка Персик», в декабре – сборник стихов «Гроздь», в январе 1923-го – сборник стихов «Горный путь», в марте 23-го – перевод Кэрролла «Алиса в стране чудес». После гибели отца в апреле 22-го Владимир сделал предложение 17-летней Светлане Зиверт, дочери горного инженера. Родители Светланы согласились на помолвку при условии, что будущий муж их дочери найдет себе постоянное место работы. Нашлось место в немецком банке, но Владимир смог в нем продержаться всего 3 часа: он не мог приковать себя к конторскому столу. Поэтому, когда 9 января 1923 года Владимир пришел к Зивертам, ему объявили, что его помолвка со Светланой рас-

торгнута: родители не решились доверить свою семнадцатилетнюю дочь молодому мечтателю и денди (хотя целый раздел в книге «Горний путь» был посвящен Светлане).

Как же он зарабатывал себе на жизнь? Кем только, живя в Берлине, он не был: преподавателем английского и французского языков, переводчиком для газет, составителем шахматных задач и шарад, сочинителем маленьких скетчей и пьес, актером, голкипером в футбольной команде. Но, конечно, главным в его жизни было сочинительство. Начав, как прозаик, с рассказов и пьес, он стал незабываемым поэтом прозы. Первый роман «Машенька» написан в 1926 году. Далее выходят романы: «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1929), «Возвращение Чорба», «Соглядатай» (оба – 1930), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1933), «Отчаяние» (1936), «Приглашение на казнь» (1938), «Дар» (1937—1938), «Solus Rex» («Одинокый король», 1940). Русская эмигрантская критика выделяла как вершины набоковского творчества романы «Защита Лужина», «Приглашение на казнь» и «Дар».

В 1940 году, нищим и никому неизвестным эмигрантом, Набоков приплыл в Америку. Здесь он стал ученым, писателем (перейдя на английский язык) и преподавателем – и к тому же неожиданно с изданием «Лолиты» прославился на весь мир. Он не хотел жить на одном месте, предпочитая менять дома, квартиры, мотели. В то же время, пусть и сохраняя духовную независимость, он вынужден был тянуть преподавательскую (профессорскую) лямку то в Стэнфорде, то в Уэлсли, то в Гарварде, то в Корнелле – у него просто не было выбора. Здесь в Америке им были написаны романы «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Другие берега» (1951 – на английском, 1954 – переведен на русский), «Пнин» (1957), книга «Николай Гоголь» (1944) и огромный труд в 4-х томах, перевод на английский язык пушкинского «Евгения Онегина» и комментариев к нему. По объему и затраченным усилиям, вызвавший столько споров, перевод пушкинского шедевра и тысяча двести страниц сопроводительного комментария обращают остальные его работы в карликов. Как смог писатель, которого прежде всего занимает стиль, а уж потом содержание, создать перевод, нарочито жертвующий каким бы то ни было стилистическим изяществом, чтобы с безжалостной верностью передать буквальное значение пушкинских строк? И как удалось человеку, последовательно старающемуся отделить художественную литературу от «реальной жизни» предоставить больше, чем любой другой критик, сведений касательно тончайших деталей – времени и места, флоры и фауны, блюд и напитков, одежды и жестов – пушкинской и онегинской эпохи?

В 1960 году Набоков поселяется в Швейцарии в курортном местечке Монтрё, поразившее его ещё в студенческие годы «совершенно русским запахом здешней еловой глуши». Выходят его романы «Бледный огонь» (1962), «Ада» (1969), «Прозрачные вещи» (1972) и «Смотри на арлекинов» (1974). Набоков умер 2 июля 1977 года в лозаннской больнице.

Нетрудно заметить, что набоковский экватор приходится на 1938-й год. Давайте заглянем в близкие года, предшествующие ему.

В конце 1935 года Набоков получил известие от Зинаиды Шаховской, что на литературном вечере в Брюсселе в конце января 1936 года ему предстоит прочитать что-либо по-французски. За два-три дня в конце первой недели января он набросал «Мадемуазель О». Рассказ был написан с такой подозрительной, по его мнению, легкостью, что он считал его третьесортной литературой. В нем содержится завуалированная просьба извинить его французский стиль – «излишняя предосторожность, – по словам Мориса Кутюрье, главного редактора собрания сочинений Набокова в издательстве „Плеяда“, – учитывая, что его французский, хотя временами несколько тяжеловесен, в целом замечательно поэтичен».

Когда очередные волнения, связанные со своевременным получением визы, остались позади, Набоков отправился в литературное турне: Брюссель, Антверпен и Париж. Хотя он к этому времени переработал «Мадемуазель О», все же боялся, что рассказ покажется слушателям длинным и скучным. Его опасения не оправдались, и вечер 24 января в брюссельском ПЕН-клубе имел потрясающий успех, хотя публикации было не очень много.

26 января бельгийский Русский еврейский клуб устраивал литературный вечер Сирина в Брюсселе. Перед большой аудиторией он читал стихи, рассказ «Уста к устам» (впервые представленный на суд публики) и три последние главы «Приглашения на казнь», которые имели такой успех, что он решил включить их в свою парижскую программу. На следующий день он снова читал по-русски – на этот раз «Пильграма» – в антверпенском Русском кружке.

Спустя два дня Сирин приехал в Париж. Прямо с вокзала он отправился к Фондаминскому. Около половины восьмого, когда Набоков, Фондаминский и Зензинов едва успели разговориться, явился полупьяный, в нос говорящий Бунин и, несмотря на решительное сопротивление Набокова, потащил его обедать в ресторан. На следующий день Набоков писал жене:

Сначала у нас совершенно не клеился разговор, кажется, главным образом из-за меня. Я был устал и зол. Меня раздражало всё: и манера его заказывать рябчика, и каждая интонация, и похабные шуточки, и нарочитая подобострастность лакея, так что он потом Алданову жаловался, что я всё время думал о другом. Я так сердился, что с ним поехал обедать, как не сердился давно. Но к концу и потом, когда вышли на улицу, вдруг там и сям стали вспыхивать искры взаимности, и когда пришли в кафе «Мир», где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело. Там же я мельком повидался с Ходасевичем, очень пожелтевшим. Алданов сказал, что когда Бунин и я говорим между собой и смотрим друг на друга, чувствуется, что все время работают два кинематографических аппарата.

В Париже Набоков должен был выступать на литературном вечере вместе с Ходасевичем, который болел и сильно бедствовал. На объявлении в «Последних новостях» имя Ходасевича было набрано более мелким шрифтом, чем имя Набокова. Набоков пришел в ярость и настоял на том, чтобы в афише их имена были напечатаны одинаково.

Литературный вечер состоялся 8 февраля и зал был переполнен настолько, что пришлось ставить дополнительные стулья. Давно пользовавшийся репутацией знатока державинской и пушкинской поры, Ходасевич в своем выступлении изумил собравшихся, поведав, что он открыл никому до сих пор не известного поэта Василия Травникова, который был на четырнадцать лет старше Пушкина и еще до пушкинских непосредственных предшественников начал «сознательную борьбу с условностями литературной аффектации, унаследованной девятнадцатым веком от восемнадцатого». Этим выступлением Ходасевич блестяще продемонстрировал близость Набокову, изобретательному мастеру литературных масок, ибо Сирин, в отличие от большинства слушателей, безусловно знал, что история Травникова была литературной мистификацией.

Во втором отделении Сирин прочел три рассказа – «Красавицу», «Terra Incognita» и «Оповещение». Вечер прошел с таким успехом, что один критик счел его достаточным основанием, чтобы опровергнуть обвинения эмигрантской литературы в несостоятельности, и назвал Сирина оправданием всей эмиграции.

15 февраля Сирин выступал на поэтическом вечере вместе с Адамовичем, Берберовой, Буниным, Гиппиус, Ходасевичем, Ивановым, Мережковским, Одоевцевой, Смоленским и Цветаевой – такой букет имен было невозможно собрать в Берлине со светлой памяти 1923 года.

29 февраля 1936 года Набоков возвратился в Берлин и снова принялся за «Дар». Однако в апреле он оставляет на время работу над «Даром» и пишет рассказ «Весна в Фиальте». В нем русский эмигрант Василий случайно встречается в приморском курортном городе Фиальта (сочетание названий адриатического Фиума и черноморской Ялты) свою старую знакомую, прелестную женщину Нину. Она на протяжении пятнадцати лет, подобно яркой, но неверной комете, часто мелькала в его жизни. Зимней ночью 1917 года, на чьих-то именинах, она одарила его поцелуем, и с тех пор он знал, как щедра она на любовь. Правда, только одна из их коротких случайных встреч утолила его чувства. Не в силах забыть об этих встречах и расставаниях в вихре времени, Василий признается ей в любви и тотчас, увидев, что она нахмурилась, обра-

щает свои слова в шутку. Полчаса спустя Нина погибает – машина, на которой она с мужем уехала из Фиальты, врезается в фургон бродячего цирка.

«А что, если я вас люблю?» Нина взглянула, я повторил, я хотел добавить... но что-то, как летучая мышь, мелькнуло по ее лицу, быстрое, странное, почти некрасивое выражение, и она, которая запросто, как в раю, произносила непристойные словечки, смутилась; мне тоже стало неловко... «Я пошутил, пошутил», – поспешил я воскликнуть, слегка обнимая ее под правую грудь. Откуда-то появился у нее в руках плотный букет темных, мелких, бескорыстно пахучих фиалок, и, прежде, чем вернуться к гостинице, мы еще постояли у парапета, и все было по-прежнему безнадежно. ... и внезапно я понял то, чего, видя, не понимал дотол, почему давеча так сверкала серебряная бумажка, почему дрожал отсвет стакана, почему мерцало море: белое море над Фиальтой незаметно наливалось солнцем, и теперь оно было солнечное сплошь, и это белое сияние ширилось, ширилось, все растворялось в нем, все исчезало, и я уже стоял на вокзале, в Милане, с газетой, из которой узнал, что желтый автомобиль, виденный мной под платанами, потерпел за Фиальтой крушение, влетев на полном ходу в фургон бродячего цирка, причем Фердинанд и его приятель, неуязвимые пройдохи, саламандры судьбы, василиски счастья, отделались местным и временным повреждением чешуи, тогда как Нина, несмотря на свое давнее, преданное подражание им, оказалась все-таки смертной.

В «Даре» судьба предпринимает несколько неудачных попыток свести героя и героиню, но в конце концов они находят друг друга и должны пожениться. «Весна в Фиальте» как будто намеренно перевертывает эту ситуацию: здесь судьбе удастся снова и снова сводить Василия и Нину, но каждый раз их встречи ни к чему не приводят. И все же каким-то образом длинная и не богатая событиями история их отношений – история, состоящая почти целиком из лакун, между которыми нет ничего, кроме мимолетных случайных свиданий, – обретает особую притягательность.

С несравненным мастерством Набоков воссоздает то богатство оттенков, которое сиюминутность придает каждой мелочи, зримо и проникновенно рисует западающие в память узоры времени. И вовсе не удивительно, что «Весна в Фиальте» всегда была одним из самых любимых его рассказов..

Кроме того, Набоков планировал совершить очередное литературное турне во Францию и Бельгию и не оставлял надежду, что сможет совместить с ним окончательный отъезд из Берлина. Намеченное на конец декабря, турне было отложено французской стороной всего за две недели до начала. К этому времени он закончил чистовик первой главы «Дара», фрагменты которой собирался читать на русских литературных вечерах. Кое-что он подготовил и для французских слушателей: эссе о Пушкине, столетие смерти которого отмечалось в январе 37-го. В этом месяце Набоков уехал из Берлина в Брюссель и, как окажется впоследствии, на землю Германии он больше не ступит никогда.

24 января Ходасевич открыл вечер Сирина в зале на рю Лас-Кас. Собравшиеся здесь многочисленные поклонники сирина таланта услышали два отрывка из не оконченного еще романа «Дар», один из которых представлял собой пародийное описание эмигрантского литературного вечера. Продолжавшееся больше часа чтение было, по словам Алданова, «сплошным непрерывным потоком самых неожиданных формальных, стилистических, психологических, художественных находок».

Чтение стало событием не только литературным. Среди слушателей была некая Вера Кокошкина с дочерью Ириной Гуаданини, которой тогда шел 32-й год. Еще на предыдущем выступлении Набокова в Париже, в феврале 1936 года, Вера Кокошкина, зная, что Ирине очень нравится Сирин, подошла к нему, осыпала его комплиментами и пригласила на чашку чая. Он принял приглашение, и его позабавило, что мадам Кокошкина играла роль сводни при своей

дочери. На этот раз она снова захватила инициативу и пригласила Набокова на обед с Фондаминским и Зензиновым.

Замысел ее удался. Ирина, привлекательная, кокетливая блондинка с поразительно правильными, классическими чертами лица, была хорошо образованной, наблюдательной, игриво-иронической женщиной, легко запоминавшей стихи. Скоро они с Набоковым стали появляться вместе в кафе и кинематографе, а к февралю их роман был в полном разгаре.

В Петербурге Ирино семейство принадлежало к тем же кругам, что и Набоковы. Брат ее отчима, Федор Кокошкин, как и отец Набокова, был одним из руководителей кадетской партии. Большевики после октября 17-го арестовали его в петроградском доме той самой графини Паниной, у которой жил в Крыму отец Набокова после освобождения из-под стражи. Убийство Кокошкина вместе с Андреем Шингаревым в январе 1918 года прямо в больнице, где они находились на лечении, потрясло всю либеральную Россию: эта расправа, немыслимая до революции, наглядно продемонстрировала либералам и тем левым, которые не принадлежали к большевистской партии, политический стиль Ленина и Троцкого. Даже юный Владимир Набоков обратил внимание на это событие и в годовщину гибели Кокошкина и Шингарева посвятил им стихотворение.

В Бельгии Ирина познакомилась с каким-то русским эмигрантом, приехавшим в отпуск из Конго, и вышла за него замуж. Брак был коротким. Мать, беспокоясь о ее здоровье, запретила ей ехать с мужем в Африку, и она развелась с ним, вновь взяла свою девичью фамилию и уехала с матерью в Париж. Хотя после Второй мировой войны она работала на радио «Свобода», а в шестидесятые годы выпустила небольшой сборник стихов, в тридцатые годы ей приходилось довольствоваться той работой, которую она могла найти. Она любила животных и зарабатывала тогда на жизнь стрижкой пуделей.

Десятью годами ранее Набоков ввел себя с женой в роман «Король, дама, валет», где они противопоставлены трем основным персонажам, вовлеченным в пошлый адюльтер. В реальной жизни он сурово порицал одного из кузенов за супружескую неверность и не одобрял другого за череду браков. Новое для него положение тяготило Набокова, и в феврале нервное напряжение привело к такому обострению псориаза, что «невыносимые мучения» чуть не довели его до самоубийства.

Между тем он ежедневно писал Вере, уговаривая ее приехать как можно скорее, чтобы всей семьей поселиться на юге Франции. Вера, не подозревавшая об измене мужа, предлагала поехать в Прагу навестить, как они давно обещали, Елену Ивановну. Последняя сильно постарела, и порадовать ее могла только встреча с любимым сыном и внуком, которого она никогда не видела.

В конце апреля Вера с Дмитрием выехала в Прагу и с облегчением вздохнула, когда их поезд пересек немецкую границу. Набоков после того, как получил новый паспорт, а затем и чешскую визу в нем, 20 мая выехал из Парижа. Поскольку Вера настаивала, чтобы он держался подальше от Германии, Набоков поехал на поезде через Швейцарию и Австрию. Маршрут был хотя и утомительным, но живописным: Альпы, горы, водопады, запах снега.

Утром 22 мая он снова увидел крутые шиферные крыши старой Праги и встретился с сыном, трехлетним бутузом, женой и матерью. В Праге Набоковы провели несколько дней, гуляя по холмам запущенного парка Стромовка, а потом отправились в Франценсбад, где Вера, уже год, страдавшая ревматизмом, собиралась принимать лечебные ванны.

В Чехословакии для Набокова образ Гуаданини ярко сиял где-то за горизонтом, тогда как чувство вины и необходимость лгать омрачали ближнюю перспективу. Он тайно писал Ирине, признаваясь, что четырнадцать лет, которые они с Верой прожили вместе, были безоблачно-счастливыми (ни в одном из писем любовнице он не сказал о жене ни слова осуждения), что они знают друг о друге каждую мелочь и что теперь все это погибло. Вера получила анонимное письмо, в котором по-русски, но латинскими буквами подробно, на четырех стра-

ницах, описывался роман ее мужа. Набоков все отрицал, но ему мучительно трудно было притворяться, будто семейное счастье, как прежде, незыблемо. «Неизбежная пошлость обмана, – писал он Ирине. – И вдруг совесть ставит подножку и видишь себя подлецом». И все же, не в силах порвать с Гуаданини, он просит ее писать до востребования на имя В. Корфа в Прагу, где мать организовала его выступление.

Поезд, на котором он ехал из Франценсбада, сломался, и он едва не опоздал на собственный литературный вечер. Остановившись у матери в ее двухкомнатной квартире, он играл с ней в карты и разговаривал ночи напролет. 23 июня, пробыв в Праге пять дней, он навсегда уже, как выяснится впоследствии, простился с матерью и отправился к Вере в Мариенбад.

29 июня в Мариенбаде Набоковы купили путевки на Парижскую международную выставку, дававшие им пятидесятипроцентную скидку на железнодорожные билеты до Парижа при условии, что они поедут кратчайшим путем через Германию. Уже на следующий день они прибыли в Париж. Набоков направился к Фондаминскому, а Вера с Дмитрием остановились у родственников Бромбергов.

7 июля Набоковы выехали в Канны, которые тогда были намного более дешевым и менее многолюдным местом, чем сейчас. Через несколько дней после приезда в Канны, Набоков признался Вере, что влюблен в Ирину Гуаданини. Он ничего не утаил. Вера ответила, что, если чувства его к этой женщине действительно столь сильны, ему немедленно нужно ехать в Париж. Он задумался и сказал: «Сейчас не поеду». Не было в его жизни хуже этой ночи, кроме той, когда убит был его отец.

Когда шок, вызванный его признанием прошел, Набоковы стали заново строить свои отношения, основываясь на дружбе и взаимном внимании. Хотя казалось бы их жизнь наладилась и Вера не возвращалась к неприятному разговору, мысли о Гуаданини не оставляли Набокова. «Канн, – писал он тайно Ирине, – полон тобой».

В апреле «Современные записки» напечатали первую главу «Дара», которая была закончена еще в начале года. Оставалось доработать четыре большие главы, каждая длиною почти в целый роман. Рукопись нужно было представить к выходу следующего номера «Современных записок», но Набоков решил, что начало второй главы требует значительной переработки. Поскольку на это ушло бы много времени, он отложил вторую главу и подготовил чистовой вариант четвертой: написанное за Федора жизнеописание Чернышевского. Так как она представляла собой самостоятельную часть текста, Набоков надеялся, что «Современные записки» напечатают ее, несмотря на нарушение последовательности глав.

В начале августа Набоков отослал окончательный вариант четвертой главы. Редактор «Современных записок» Вадим Руднев пришел в ужас: как можно сразу после первой главы предлагать читателям четвертую? Где он в последний момент найдет прозу, чтобы заполнить пробел? Набоков немедленно засел за переработку начала второй главы.

Он также сообщил Гуаданини, что Вера узнала о продолжающейся между ними тайной переписке. Бушуют такие бури, писал Набоков, что он боится сойти с ума. Ирина ответила, что готова приехать в Канны и вместе с ним сбежать куда-нибудь. Набоков попросил не делать этого.

Еще одна неприятность долетела из Парижа. Руднев прочел главу о Чернышевском и наотрез отказался ее печатать в «Современных записках».

В третьей главе «Дара» Набоков описал те трудности, с которыми сталкивается его герой, попытавшись опубликовать такую спорную работу, как «Жизнеописание Чернышевского». Однако Федор в романе – автор малоизвестный, тогда как Сирина эмиграция признала лучшим писателем его поколения, а «Современные записки» на протяжении почти десяти лет печатали все его романы без малейших сокращений. Для Набокова отказ журнала печатать четвертую главу «Дара» стал полной неожиданностью. В отчаянии он писал Рудневу:

...позвольте обратить Ваше внимание на курьезное положение, в которое я попадаю: ни в советских изданиях, ни в каких-нибудь «правых» органах, ни в «Последних новостях» (Милоков, которому я предложил отрывок, обиделся, говорят, за пренебрежительный отзыв о лондонской выставке 1859-го года), ни у Вас, наконец, — я печатать «Чернышевского» не могу. Вы мне предлагаете Вам помочь найти для «Современных записок» выход: смею Вас уверить, что мое положение гораздо безвыходнее.

Из-за принятого Рудневым решения, «Дар» — книга, которую многие считают величайшим русским романом 20-го века, — еще пятнадцать лет не был напечатан целиком.

Руднев, правда, просил прислать недостающие главы. Набокову, который остро нуждался в деньгах, пришлось уступить, и он засел за вторую главу. В четверг, 2 сентября, Руднев написал Набокову, что если в следующий понедельник к 8-ми утра рукопись не поступит в издательство, то наборщик, подготовивший к печати всю остальную часть журнала, вообще откажется иметь дело с этим номером.

В ночь с воскресенья на понедельник Руднев не мог сомкнуть глаз от волнения, боясь увидеть в назначенный срок пустой почтовый ящик. Однако наутро он нашел в нем рукопись и передал в письме Набокову свой благодарный вздох облегчения — «Уф».

А спустя день в Каннах появилась Ирина Гуаданини. Хотя Набоков просил ее не приезжать, она, поддавшись на уговоры матери, решила рискнуть. Она приехала ночным поездом, отыскала их дом и пошла по направлению к пляжу.

Увидев Набокова, который вел Дмитрия купаться, она бросилась к нему, быстро стуча высокими каблуками. Он отпрянул от неожиданности и сказал Ирине, что любит ее, но слишком многое связывает его с женой. Он попросил ее уехать, она отказалась и, когда он с Дмитрием расположился на пляже, села в отдалении. Через час Вера присоединилась к мужу и сыну. Когда вся семья пошла обедать, Ирина осталась на пляже. Позднее Набоков рассказал Вере о том, как Гуаданини их сторожила. Это была его последняя встреча с Ириной.

Набоков решительно разорвал с прошлым, и они с Верой вскоре восстановили свои прежние отношения. Тем, кто близко наблюдал Веру и Владимира Набоковых, они казались молодыми возлюбленными и в шестьдесят, и в семьдесят лет.

Вера и Владимир, октябрь 1968 г. Посетители часто отмечали, что они — несмотря на свои шестьдесят шесть и шестьдесят девять лет — выглядели как юные влюбленные (фото Филипа Халсмана, 1966 г.).

Алексей Филимонов³⁸

Набоков – европеист

Герой романа Владимира Набокова «Дар», писатель Фёдор Годунов-Чердынцев, благодарит западный мир – и Германию – за спасительное пространство эмиграции, в котором он до поры может мечтать и творить:

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберёт,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растёт...

Набоков с рождения был укоренен в европейской культуре, его творчество – уникальный пример диалога с ней русского человека. Сегодня читатель может участвовать в этом диалоге, помогая выявить и понять два – а то и несколько – разноречивых существ автора. «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски», – сказал Владимир Набоков. В первый период своей жизни в Европе (1919—1940), связанный с литературным становлением, Набоков берёт себе псевдоним Сирий, напоминая об издательстве, печатавшем символистов, а также о мифологической птице, шире – о первородной «птичьей» речи поэзии. Его поэтические двойники Фёдор Годунов-Чердынцев, Василий Шишков и другие не только мистифицировали критиков, но вели спор, полемику с европейскими авторами, писателями-эмигрантами и советскими литераторами. Европа не представляла для Набокова единое социально-культурное пространство. В романе «Дар» повторяется «русское убеждение, что в малом количестве немец пошл, а в большом – пошл нестерпимо», тут герой Набокова, вослед персонажам Гоголя, «любил при случае кольнуть немцев». Неприятию Набоковым Германии, где он прожил с семьёй до 1937 года перед тем как укрыться от нацизма во Франции, а затем и в Америке, способствовали многие причины. В эссе «Николай Гоголь» он писал о немецком духе потребления: «Среди наций, с которыми у нас всегда были близкие связи, Германия казалась нам страной, где пошлость не только не осмеяна, но стала одним из ведущих качеств национального духа, привычек, традиций и общей атмосферы, хотя благожелательные русские интеллигенты более романтического склада охотно, чересчур охотно принимали на веру легенду о величии немецкой философии и литературы; надо быть сверхрусским, чтобы почувствовать ужасную струю пошлости в „Фаусте“ Гете», – в этой фразе писателя тот водораздел, который отделяет его творчество от некоторых черт западноевропейской культуры. Даже став американским писателем, Набоков оставлял за собой право говорить от имени русского классического наследия и оставаться в этом смысле «сверхрусским».

³⁸ Алексей Филимонов – поэт, литературовед, переводчик, лексикограф. Родился в 1965 году в городе Электросталь Московской области, окончил факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Автор шести книг. Исследователь и переводчик стихотворений В. Набокова. Основатель литературно-философского направления «внеизм». Лауреат ряда премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

Вослед за А. Пушкиным, И. Анненским, Н. Гумилёвым Набокова можно назвать франкофилом, им написан по-французски рассказ «Мадемуазель О», воспоминания о воспитательнице детства. Франция с детства выступала для него живительной страной, его ранние стихи насыщены жадой жить – «*joie de vivre*», он вспоминал слова Пушкина о французских корнях русского стихосложения: «Поэзия проснулась под небом полуденной Франции – рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков; побеждённая трудность всегда приносит нам удовольствие – любить размеренность, соответственно свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для неё всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virelai*, баллада, рондо, сонет и проч.» (А. Пушкин. «О поэзии классической и романтической»). Летом 1923 года Набоков работал на ферме в Провансе сборщиком фруктов, отыскивая кастальские ключи пушкинского вдохновения, создав стихи о современном Провансе и о месте, помнящем рождение поэзии:

Как жадно, затаив дыханье,
склоня колена и плеча,
напьюсь я хладного сверканья
из придорожного ключа.

И пенем дум моих влекома,
в лазури лиловатой дня,
в знакомом платье незнакома,
пройдёшь ты, не узнав меня.

Набоков многого не принимал в европейской культуре, например, Фрейда и Сартра, французских экзистенциалистов, всех, сочувствующих идеям большевизма. Сартр написал рецензию на «Отчаяние», призывая Сирина поучиться коллективизму советских авторов, воспевающих великие свершения. Набоков не оставался в долгу, призывая раз и навсегда сбросить с пьедестала навязываемую литературу «Больших Идей». В конце пятидесятых годов, следуя веяниям оттепели, советские идеологи даже собирались включить имя Набокова в проект новых учебников, как несчастного автора, потерявшего родину и разоблачающего буржуазную действительность, однако грандиозный успех «Лолиты» до конца 80-х годов прошлого столетия сделал его непечатаемым в СССР.

Набоков называл себя нетипичным эмигрантом – он избегал литературной кружковщины, высмеив круговую поруку литературных дельцов в рассказе «Уста к устам». В «Парижской поэме», возможно лучшем своём поэтическом произведении, Набоков полемизировал с «Распадом атома» Георгия Иванова, писавшего о неприкаянном «ордене» русских интеллигентов: «Ох, это русское, колеблющееся, зыблющееся, музыкальное, онанирующее сознание. Вечно кружащее вокруг невозможного, как мошкара вокруг свечки. Законы жизни, сросшиеся с законами сна. Жуткая метафизическая свобода и физические преграды на каждом шагу. Неисчерпаемый источник превосходства, слабости, гениальных неудач. Ох, странные разновидности наши, слоняющиеся по сей день неприкаянными тенями по свету: англomanы, толстовцы, снобы русские – самые гнусные снобы мира, – и разные русские мальчики, клейкие листочки, и заветный русский тип, рыцарь славного ордена интеллигенции, подлец с болезненно развитым чувством ответственности». В двух подходах к теме довоенной эмиграции

различия между эстетикой Иванова и Набокова – первый подчёркивал гибельность и уродство мира, второй – жажду переживать снова и снова его красоту, возвращаясь к истокам.

«Сирий – европеист» – такое прозвище приклеилось к Набокову сразу после выхода первых его прозаических вещей. Тема «снобизма» Набокова в среде эмигрантов первого поколения, писавших о «русских мальчиках» из Достоевского, на которых Набоков никак не походил, только усилилась и набрала новые обороты после публикации «Лолиты».

Большинство сходилось на том, что Набоков – писатель нерусский, находя в нем несерьезность и цинизм, не свойственные отечественной литературе. «А вот что Вы думаете о „Лолите“, если её читали? Я прочел недавно, и самое удивительное в ней... что при восклицаниях о любви на каждой странице в ней любовь „и не ночевала“. Это совершенно мертвая книга, хотя и блестящая (даже чувственности нет, ничего: все выдуманно). Кстати, английские отзывы в большинстве очень сдержанные» (Г. Адамович – В. Варшавскому, 1959).

Переход на английский язык дался Набокову крайне тяжело: «Личная моя трагедия – которая не может и не должна кого-либо касаться – это то, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стеснённого, богатого, бесконечно послушного мне русского слога ради второстепенного сорта английского языка». По отзывом специалистов и писателей, Набоков внес выдающийся вклад в американский, английский язык, обогатив его тексты и показав неиспользовавшиеся дотоле возможности. Писатель-модернист демонстрировал уникальную творческую лабораторию, развивая идеи европоцентричного – за редким исключением – русского Серебряного века, в частности романа А. Белого «Петербург», всей русской поэзии, корни которой можно проследить и в «ямбической» ритмике прозы, и в многочисленных отголосках. Об «умышленности» сирийской прозы писал В. Ходасевич: «Сирий не только не маскирует, не прячет своих приемов, как чаще всего поступают все и в чем Достоевский, например, достиг поразительного совершенства, – но напротив: Сирий сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес. Тут, мне кажется, ключ ко всему Сирию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.